

“ЛИТЕРАТУРНОСТЬ” ТЕККЕРЕЯ

© 1998 г. Н. Я. Дьяконова

Статья имеет целью показать, что литературные впечатления послужили не менее важным стимулом творчества Теккерея, чем жизненные. Во всех его произведениях звучит сильнейшее пародийное начало, свидетельствующее о том, что писатель противился не только несовершенству действительности, но и ее ложному изображению романистами середины века.

The purpose of the present paper is to prove that the art of Thackeray was not only stimulated by his critical attitude towards the glaring imperfections of social existence but no less by his disgust with its falsified portrayal by contemporary novelists; hence the strong element of parody in Thackeray's works.

В многочисленных исследованиях и очерках английской литературы середины XIX в. центральное место занимают более или менее детальные характеристики главных ее деятелей, прославленных прозаиков и поэтов. Описание сложного соотношения их творчества, их взаимодействия, общей атмосферы, журнально-критической борьбы обычно отступает на второй план. Об этом нельзя не пожалеть. Подробное изучение этой стороны нужно не только ради того, чтобы установить общие закономерности эстетического развития Англии в один из важнейших периодов ее истории, но и для более полного представления о каждом участнике разнородного литературного движения эпохи.

1830–1860-е гг., “середина века” в строго арифметическом смысле слова, отмечены бурной активностью многочисленных журналистов, объединивших свои усилия в популярных и влиятельных журналах: “Нью Монсли Мэгезин”, “Фрэзерс мэгезин”, “Морнинг кроникл”, “Пенч”, теккеревский “Корнхил мэгезин”, диккенсовские “Домашнее чтение” и “Круглый год” и многие, многие другие воспроизводили как события общественные, так и литературные, передавали борьбу мнений, взглядов, вкусов, нравственных и интеллектуальных концепций.

В интенсивной журнальной жизни своей эпохи Теккерей участвовал почти тридцать лет, с середины 1830-х и до внезапной своей смерти в 1863 г. Любопытно, что начал он именно как журналист, в жанре очерка (эссе), который обрел новую жизнь еще в 1810-е–1820-е гг. под пером мастеров – Лэма, Хэзлитта, Хента, Де Квинси. Подстегиваемый нуждой, Теккерей писал обо всем – о политике, театре, нравах, литературе, писал об Англии, Ирландии и Франции, писал рецензии, пародии, сатирические и путевые очерки, нередко иллюстрируя их собственными комическими рисунками, иногда украшая их веселыми стишками.

Подчеркнем, что с самого начала своей деятельности Теккерей реагирует не так на окружающие его жизненные явления, как на отражение их в литературе. Разумеется, такой подход не был изобретением Теккерея. В большей или меньшей степени каждый писатель определяет собственную позицию по отношению к тому, насколько верно, удачно, честно, адекватно его собратья по перу решают вопросы, поставленные временем. Характерно это было и для великих реалистов XVIII в. (в особенности для Генри Фильдинга, любимца Теккерея), характерно это было и для романтических поэтов, каждый из которых, в той или иной форме – в художественной, эпистолярной, торжественно-декларативной, поэтической или прозаической – заявлял о своем, отличном от господствующего, понимании творческой функции.

Вступив в литературу, когда романтизм, казалось бы, уже сошел со сцены, но продолжал проявляться в многообразных, сильно видоизмененных формах, Теккерей на протяжении всей своей творческой жизни полемизировал с уходящими, упорно сопротивляющимися романтическими канонами, с модными писателями, эпигонами романтизма, со свойственной его адептам идеализацией действительности. Эта полемика сопровождала все собственно творческие усилия Теккерея, проявляясь то в прямой пародии, то в наборе компрометирующих оригинал цитат.

Многие из иронических аллюзий Теккерея были интересней его современникам, чем потомкам. Как говорит известный исследователь его творчества Гордон Рэй, остроумие Теккерея нередко пропадает для читателя XX в., потому что зиждется на богатстве аллюзий, ему недоступных [1, с. 402].

Именно отзывчивость Теккерея по отношению к литературным ответам на окружающую жизнь определила то, что теперь называют “ли-